

О НАСЛЕДИИ МАРКСИЗМА В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье изучается генезис и содержание «материалистического понимания истории» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также влияние марксизма на отечественную (советскую) историческую науку. Автор предлагает свое видение места наследия марксистской научной школы в рамках перспектив обновления методологического инструментария отечественного гуманитарного познания.

В современной российской теоретико-исторической мысли присутствует широкое согласие по вопросу о необходимости выработки нового методологического синтеза, осуществление которого полагается одной из главных предпосылок дальнейшего развития отечественной исторической науки. Важным условием решения этой задачи является изучение марксизма, лишь десятилетие назад потерявшего статус единственного философского и научного основания теоретико-методологических принципов отечественного гуманитарного познания. Различные подходы к выработке нового методологического синтеза так или иначе отталкиваются от наследия марксизма, так или иначе решают вопрос о месте марксистской методологии в рамках перспектив обновления методологического инструментария отечественной исторической науки.

Основным содержанием предлагаемой работы является анализ соотношения в марксизме двух сторон, присущих гуманитарному познанию, – философского (или предпосылочного, метанаучного) элемента и исторического (собственно научного) знания. Изучение марксизма под таким углом зрения представляется полезным не только в свете дискуссий в современной отечественной историографии о задачах обновления теоретико-методологических оснований исторической науки, но и как один из подходов к обсуждению самой природы исторического познания – соотношения в нем предпосылочности и научности, слияния в творчестве историка априорных установок его мировоззрения и веры с научным анализом исторической действительности. Автор полагает, что только признавая наличие в историческом познании этих несводимых друг на друга элементов, можно добиться успеха в разработке методологического синтеза. В современной отечественной исторической мысли существуют два подхода к решению этой задачи, основное различие между которыми, как представляется, заключается именно в том, насколько ясно каждый из них создает двойственный характер исторического познания.

Среди представителей отечественной исторической науки немало тех, кто думает, что новый методологический синтез должен заключаться в создании универсальной общеисторической теории, т.е. целостной, всесторонней и непротиворечивой системы взглядов на основные принципы развития человеческого общества [1. С. 3; 2. С. 90, 103]. При этом предполагается, что основным недостатком марксизма, который, как считается, служил в качестве такой теории советской исторической науке, была его односторонность, заключавшаяся в том, что развитие человеческого общества объяснялось исключительно социально-экономическими обстоятельствами, тогда как в реальной исторической действительности имеет место сложное переплетение различных – «материальных и духовных, социальных и личностных, экологических и демографических факторов, определяющих в своей совокупности течение исторического процесса, частные и глобальные изменения в жизни человечества» [2. С. 48, 94, 96; 3. С. 48; 4. С. 4–5].

Поэтому считается, что марксизм окажется интегральной частью обновленной системы теоретико-методологических взглядов, призванных служить инструментом для изучения «человеческого общества в его целостности» [2. С. 96], в качестве теории, разрабатывающей социально-экономическую сторону детерминации исторического развития [2. С. 94; 3. С. 46, 47–48, 49; 5. С. 18; 6. С. 55–56]. Новый плюралистический, многофакторный подход к изучению исторической действительности предполагает также обогащение формационно-стадиальной схемы развития человечества, разработанной марксистской исторической наукой, изучением «культурно-цивилизационного измерения истории». По мнению сторонников теории цивилизаций, «цивилизация предстает как система детерминации общественной жизнедеятельности через духовное производство, т.е. культуру в ее социально-значимых функциях» [3. С. 44, 48; 5. С. 18; 7. С. 7]. И поскольку «формационная теория обосновывает наличие общей, тотальной (и конечной) детерминации хозяйственными факторами, а цивилизационная теория – наличие столь же тотальной и конечной детерминации принципами формирования и развития цивилизации» [6. С. 55], «как формационная, так и цивилизационная теории должны присутствовать в макроанализе на основе взаимодополнения, каждая в определенном для нее пространстве» [5. С. 18]. В результате считается возможным получить целостное представление о всемирно-историческом процессе, согласно которому «формации» можно было бы представить как крупные этапы в развитии человечества, а «цивилизации» – как конкретные пути развития той или иной части человечества» [2. С. 68, 87, 102; 3. С. 37, 49, 50, 54; 6. С. 56; 8. С. 14; 9. С. 65]. Таковы основания, на которых предполагают построить единую теорию всемирно-исторического развития, призванную дать «объяснение истории в целом, при этом не только прошлого, но и ее перспектив» [1. С. 3].

В то же время в отечественной теоретико-методологической мысли присутствует и принципиально иной подход к разработке нового методологического синтеза в современной исторической науке. Сторонники этого подхода считают, что создание такой универсальной общеисторической теории должно находиться за пределами компетенции методологии истории как совокупности общезначимых для исторической науки теоретических принципов. С их точки зрения, разделяемой автором данной работы, именно на примерах подобных всеохватывающих концепций всемирно-исторического развития наиболее наглядно проявляется двойственная природа исторического познания, наличие в нем наряду с объективно-научным знанием априорного, метанаучного элемента, корнящегося в мировоззрении и верованиях историков [2. С. 65–66]. Поэтому, признавая право каждого историка иметь свои философские представления о всемирно-историческом процессе в целом, смысле и назначении истории, представители этого направления отечественной теоретико-исторической мысли в то же время считают, что основанием, на котором можно достигнуть согласия относительно методоло-

гических принципов истории как научной дисциплины, может быть только «теория, не отрывающаяся от исторической почвы; ... не всеобъемлющая система, а комплекс теоретических посылок, поднимающихся над эмпирией, но ни в коем случае не порывающих с ней» [2. С. 51–52]. Методология истории должна рассматриваться как своего рода «историческая эпистемология», определяющая особенности исторического познания, методы и процедуры исторического исследования, познавательные возможности исторической науки.

Такое сдержанное, умеренное понимание задач методологии истории является не только проявлением некоей «эпистемологической скромности»; намного важнее то, что это понимание сути требуемого методологического синтеза избегает серьезной опасности, подстерегающей теоретико-историческую мысль, полагающую своей целью разработку единой общесторической теории. Считая создание универсальной теории всемирно-исторического развития ключом к выработке новой методологии исторической науки, сторонники этого взгляда на задачи теоретико-исторической мысли тем самым отрицают самостоятельное значение предпосылочного, метанаучного элемента в историческом познании. Полагая возможным разработать всеохватывающую систему теоретико-методологических положений научного характера, они отказываются признать несводимость индивидуальных убеждений и верований историков к единым и общезначимым научным принципам. Таким образом, желание построить всеохватывающую теорию исторического процесса и исторического знания возникает на основе некритического смешения предпосылочного и объективно-научного элементов в историческом познании. Задача предлагаемой работы – показать на материале традиции советской исторической мысли, что главным отрицательным следствием подобного бессознательного смешения философского и научного знания в рамках таких систематизирующих и тотализирующих теоретических построений является ограничение предметного поля исторического познания.

Мы не собираемся отрицать, что «сверхзадачей», конечной целью гуманитарного познания является «решение» предельных вопросов о судьбе человека и смысле истории. Более того, мы полагаем, что то или иное понимание смысла истории и природы человека пронизывает интерпретацию любого момента исторической действительности тем или иным историком. Тем не менее, с нашей точки зрения, методологии истории как совокупности конституирующих историческую науку общезначимых принципов исторического познания лучше отказаться от разработки единой абсолютизирующей теории исторического процесса и исторического знания. Историческая наука окажется в намного более выигрышной ситуации, если она воспользуется множественностью интерпретаций истории, обусловленной разнообразием философско-мировоззренческих установок историков как средством, позволяющим ей открывать и изучать разные стороны исторической действительности. Определяя особенности исторического познания, место истории среди других научных дисциплин, общезначимые процедуры и стандарты исторического исследования, приемы и методы проникновения историка в человеческий опыт прошлого, методология истории, таким образом, должна уступить компетенции Страшного суда решение вопросов об исторической судьбе человечества. Только на основе такого, на первый взгляд, ограниченного понимания целей и задач теоретико-методологической мысли, историческая наука сможет изучать свой предмет – историю общественного человека – наиболее полно и

глубоко, не связывая себя рамками той или иной глобальной философско-исторической конструкции.

Итак, задача разработки методологического синтеза, необходимого для дальнейшего развития отечественной исторической науки, должна пониматься как конкретная научно-методологическая проблема, разработка и решение которой не означает навязывания историческому познанию очередной всеобъемлющей общесторической схемы. Предлагаемый в данной работе анализ марксизма, марксизма как целостного философско-исторического учения, с одной стороны, и реального вклада научной школы, опиравшейся на это учение, в гуманитарное познание, с другой, нацелено на определение действительного места наследия марксистской исторической науки в рамках перспектив осуществления такого методологического синтеза.

1. ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИЗМА КАК ЦЕЛОСТНОГО ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

При изучении формирования марксистской концепции «материалистического понимания истории» необходимо помнить, что Маркс не был ученым-историком, более того, историческая наука никогда не была основной сферой его интересов, что, однако, не помешало этому мыслителю оказать на нее большое влияние. Не являясь *научной исторической*, социологической и другой *школой* (как, например, школа «Анналов»), марксизм был прежде всего революционным учением, полагавшим своей главной задачей радикальное преобразование социальной действительности. Жизнь Маркса и Энгельса была посвящена в первую очередь общественной борьбе, *их основные работы всегда носили полемический, критический характер*, были направлены на теоретическое обоснование их социально-политической программы революционного переустройства общества. Для марксизма как *целостного философско-исторического мировоззрения социального активизма* совершенный его основателем «революционный поворот в понимании истории имел своей имманентной конечной целью не чисто теоретическое познание законов истории, а познание их ради сугубо практической задачи изменить мир» [10. С. 108].

Поэтому раскрыть смысл и характер влияния марксизма на историческую науку и гуманитарное познание в целом можно лишь при условии предварительного изучения марксизма как такого целостного мировоззрения, составной частью которого было материалистическое понимание истории.

1.1. Философские основания мировоззрения К. Маркса и Ф. Энгельса

Основой марксистского мировоззрения, его истоком была богоборческая философия младогегельянцев и Л. Фейербаха, их антропотеистический гуманизм.

Известно, что формирование мировоззрения Маркса началось в среде младогегельянцев (Бр. Бауэра, К. Кеппена, М. Штирнера), с работами которых он познакомился в период своего обучения на юридическом факультете Берлинского университета. Уже первое философское сочинение К. Маркса, написанное под прямым влиянием

«философии самосознания» Бруно Бауэра, обнаружило главную черту всего мировоззрения Маркса – его радикальное неприятие религии во имя провозглашения самого человека, абстрактного человека («человеческого самосознания», «родовой сущности»), «высшим существом для человека» [11. С. 422]. В своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» Маркс, определяя значение философии для освобождения человека, писал: «Признание Прометея: “По правде всех богов я ненавижу” есть ее (философии. – Ю.Т.) собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают *человеческое самосознание высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никакого божества*» [12. С. 24] (здесь и далее – курсив автора. – Ю.Т.)

Однако решающее значение для оформления мировоззрения Маркса и Энгельса имела философия Л. Фейербаха. В первую очередь в связи с влиянием последней они порвали отношения с младогегельянцами, чья философия сохраняла остатки «спекулятивной немецкой метафизики XIX века» [13. С. 139], утверждая в своей полемической книге против них, что именно Фейербах «поставил на место старой рухляди, в том числе и на место “бесконечного самосознания” не “значение человека”..., а самого “человека” [13. С. 102], после чего человек был «познан как сущность, как базис всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений» [13. С. 102]. Антропотеистический гуманизм Л. Фейербаха стал с тех пор «невысказанной тайной мировоззрения Маркса и Энгельса, настоящей его разгадкой» [14. С. 256].

Центральной темой философии Фейербаха было провозглашение того, что *«Божественная сущность – не что иное как человеческая сущность, или, вернее, сущность человека, очищенная, освобожденная от индивидуальных границ, т.е. от действительного, телесного человека, объективированная, т.е. рассматриваемая и понимаемая в качестве посторонней, отдельной сущности»* [15. С. 34]. Таким образом, с точки зрения Л. Фейербаха, «противоположность между божественным и человеческим – только иллюзия», которая *«объясняется противоположностью человеческой сущности человеческому индивиду»* [15. С. 34]. Реальное олицетворение «человеческой сущности» есть «род», человечество как целое: «свободное от индивидуальной замкнутости, неограниченное существо есть не что иное, как род, открывающий бесконечность своей сущности в том, что он осуществляет себя в бесчисленном множестве разнообразных индивидов» [15. С. 151]. Следовательно, *«кто не ставит на место божества род, тот оставляет в индивидууме пустоту, которая неизбежно снова заполняется представлением о божестве, т.е. об олицетворенной сущности рода. Только род в состоянии одновременно упразднить и заменить божество и религию»* [16. С. 371].

Итак, вопреки утверждению Энгельса, Фейербах отнюдь не поставил на место «бесконечного самосознания» «самого человека». Напротив, его философия являлась последовательным, развернутым и всесторонне разработанным обоснованием мировоззрения отвлеченного гуманизма, рассматривавшего вместо конкретной человеческой личности абстрактную «родовую сущность» че-

ловека, которая к тому же оказывалась предметом религиозного поклонения. Фейербах уверенно и недвусмысленно заявляет: *«человеческая сущность, бесконечно богатая различными предикатами, в связи с этим (!) избытует и разнообразными индивидуумами. Каждый новый человек есть новый предикат (!!), новый талант человечества (!!!)»* [15. С. 42].

Поэтому, давая заключительную характеристику своему мировоззрению, Фейербах пишет: «Стало быть, ни материалистом, ни идеалистом, ни философом тождества нельзя назвать Фейербаха. *Что же он такое?* Он в мыслях то же, что в действительности, в духе то же, что и во плоти, в сущности то же, что в чувственном своем существе: он человек, или вернее – *ибо существо человека Фейербах полагает только в общественности, – он общественный человек, коммунист*» [16. С. 376].

Как видим, Маркс был несправедлив по отношению к Л. Фейербаху, когда писал, что тот всего лишь «сводит религиозную сущность к *человеческой сущности*», тогда как «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть *совокупность всех общественных отношений*» [17. С. 3]. На деле это, одно из ключевых для понимания мировоззрения Маркса и Энгельса, положение не было оригинальной особенностью их философии. Оно также было унаследовано у Л. Фейербаха вместе с его исходным представлением об абстрактной «человеческой сущности» как конечном «базисе всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений».

Оригинальный вклад Маркса и Энгельса в эту философскую традицию заключался в другом – в придании действительного, активного, практического характера этому мировоззрению, что и позволило наполнить его конкретным общественно-историческим содержанием, выработать на его основе «материалистическое понимание истории». «Задача истории, – писал Маркс, – с тех пор как исчезла *правда потустороннего мира*, – утвердить правду *посюстороннего мира*. Ближайшая *задача философии*, находящейся на службе истории, состоит – после того как разоблачен *священный образ* человеческого самоотчуждения – в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его *несвященных образах*. Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии – в критику права, критика теологии – в критику политики*» [11. С. 415]. Размежевание основателей марксизма со своими прежними философскими соратниками – младогегельянами и Л. Фейербахом – произошло, поэтому, прежде всего на основе разоблачения Марксом и Энгельсом пассивного, отвлеченно-теоретического, «идеалистического» характера эмансипации человека в рамках их философии.

С точки зрения Маркса и Энгельса, действительным завершением критики религии и философии, показавшей, что «человек – высшее существо для человека», должна быть революционная практика, категорический императив который повелевает «*ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом*» [11. С. 422].

Материалистическое понимание истории, выработанное Марксом и Энгельсом в ходе их полемики со своими бывшими философскими союзниками, зарождалось, та-

ким образом, как развитие и конкретизация этих исходных принципов марксизма: абстрактного, отвлеченного гуманизма (философское обоснование которого было сделано еще младогегельянцами и Л. Фейербахом) и революционной практики (как главной отличительной черты марксизма, благодаря которой он превратился в самостоятельное мировоззрение, критически относившееся к философской традиции, в рамках которой произошло его формирование).

Рассматривая в связи с содержанием философии антропотеистического гуманизма Л. Фейербаха человеческую сущность как «совокупность всех общественных отношений», Маркс в соответствии с действительным, критически-практическим характером своего мировоззрения в то же время полагал, что «общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерины, которые уводят теорию в мистицизм, – продолжает Маркс, находят свое рациональное разрешение и в человеческой практике и в понимании этой практики» [17. С. 4]. В качестве активного, деятельного субъекта, преобразующего окружающий его природный и общественный мир, человек изменяет тем самым себя, свою собственную природу и это «порождение человека человеческим трудом», действительный «процесс возникновения человека» и является, по Марксу, подлинной тайной всемирной истории, ее сокровенным внутренним содержанием [18. С. 598]. Для Маркса первичным являлся акт деятельного, практического отношения общественного человека к окружающей его действительности, которая таким образом приобретала характер саморазвивающейся, исторической по своей природе. Именно поэтому любые идеологические, философские или религиозные воззрения понимались им как спекулятивное, отрешенно-пассивное отражение реального процесса преобразования людьми условий своего существования.

Возникшие в контексте полемики Маркса и Энгельса с младогегельянцами и Л. Фейербахом понятия «материализм», «материалистическое понимание истории», которые стали позднее общепринятыми выражениями, использовавшимися для характеристики марксистской философии, служили им первоначально прежде всего для более ясного и определенного противопоставления этого реалистического, критически-практического, деятельного характера их мировоззрения «спекулятивно-идеалистическим» взглядам своих оппонентов. Подчеркивая, что «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [19. С. 20]; что «для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса» [19. С. 20]; и что, следовательно, «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [19. С. 20], молодые Маркс и Энгельс конечно же не могли дать и не давали развернутого обоснования материализма как целостной онтологии, что впоследствии пытались сделать Энгельс и Ленин. Первоначальный и единственно адекватный смысл этого «материализма» Маркса и Энгельса заключался, по справедливому замечанию М. Хайдеггера, «не в утверждении, что все есть материя, но в метафизическом определении, в согласии с которым все сущее предстает как материал

труда» [20. С. 207], как предмет практической деятельности человека. Поэтому, резко критикуя идеалистические представления об истории как спекулятивном саморазвитии отвлеченного понятия («Рода», «Человека», «Самосознания» как абстрактных сущностей), Энгельс писал: «История не делает ничего, она не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах». Не «история», а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком для достижения своих целей. История – не что иное как деятельность преследующего свои цели человека» [13. С. 102].

1.2. Генезис и содержание главных положений материалистического понимания истории

Как известно, впервые основные принципы «материалистического понимания истории» были представлены в первой главе книги Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» «Фейербах. Противоположность материалистического и идеологического воззрений». В отличие от других произведений Маркса и Энгельса («Нищета философии», «Манифест коммунистической партии», «Предисловие к критике политической экономии», «Л. Фейербах и конец классической немецкой философии»), в которых изложение материалистического понимания истории носило всякий раз краткий, аксиоматический характер, эта неопубликованная при их жизни работа дает наиболее полное представление о логике возникновения главных положений марксистского философско-исторического учения. Анализ текста данного произведения покажет, что эти положения действительно сформировались как развитие и конкретизация проанализированного выше философского фундамента марксистского мировоззрения – представления об общественном человеке, который в процессе своей практической, конкретно-жизненной деятельности преобразует себя, свою собственную природу.

Прежде всего, противопоставляя собственные взгляды «метафизически-идеалистическим» воззрениям младогегельянцев, Маркс и Энгельс указывают, что только «там, где прекращается спекулятивное мышление – перед лицом *действительной жизни*, – там как раз и начинается действительная положительная наука, *изображение практической деятельности, практического процесса развития людей*» [19. С. 21]. Как видим, уже в этом отправном пункте доказательств положений материалистического понимания истории отражается философская основа мировоззрения Маркса и Энгельса – понимание ими «практической деятельности человека» как перво-реальности, преобразующей и творящей «природное и общественное бытие». В связи с этим они далее подчеркивают: «Предпосылки, с которых мы начинаем, не произвольны, они не догмы, это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – *действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни*, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые создаются их собственной жизнью» [19. С. 14].

Итак, пока ясен только общий исходный принцип, в соответствии с которым основатели марксизма выстраивают свое понимание истории. Однако конкретизация этого – вопреки только что приведенному утверждению Маркса и Энгельса об обратном – априорно-философского по своему характеру принципа не заставляет себя долго ждать: «практическая деятельность действительных индивидов» уверенно отождествляется ими с производственно-хозяйственной деятельностью людей, а «материальные условия жизни индивидов» – с хозяйственными условиями их «материального производства» [19. С. 15].

В качестве обоснования правомерности такого перехода «от абстрактного к конкретному» приводится следующее «историческое доказательство»: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства – шаг, который обусловлен их телесной организацией» [19. С. 15]. Итак, Маркс и Энгельс вновь выдвигают априорное утверждение, в согласии с которым главное объективное отличие человека, определяющее его «сущность», заключается в способности преобразовывать материальные условия своего существования, причем на этот раз они дают понять, что в первую очередь эта способность выражается в трудовой деятельности человека – материальном производстве. В то же время, Маркс и Энгельс полагают, что «способ, каким люди производят необходимые им жизненные средства, зависит прежде всего от свойств самих жизненных средств, находящихся ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению» [19. С. 15].

Теперь им остается сделать последний шаг, чтобы подойти к «окончательному обоснованию» своего положения о том, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [21. С. 7]. Этот шаг делается после следующих рассуждений: «Способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это – определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством, как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства» [19. С. 15].

Таким образом, коль скоро сущность общественных индивидов (а всякое производство, с точки зрения Маркса и Энгельса, предполагает соответствующую ему форму общения [19. С. 15]) целиком и полностью совпадает со «способом производства материальной жизни», все остальные проявления их общественно-исторической жизни являются простым «отражением» этой сущности, этого «способа производства». Поэтому резюме материалистического понимания истории гласит: «Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни,

рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства форму общения, т.е. гражданское общество на его различных ступенях – как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д. и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно будет изобразить весь процесс в целом» [19. С. 37].

«Изображая весь процесс в целом», Маркс приходит к своей «классической» формулировке, согласно которой «совокупность ... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [21. С. 6–7]. При этом источником исторического развития является рост «материальных производительных сил, определяющих состояние «производственных отношений», а переход от одной исторической эпохи общественного развития к другой происходит в результате социальной революции, условия для которой возникают, когда «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями» [21. С. 7].

Такова «формальная» сторона «материалистического понимания истории», описывающая алгоритмы, механизмы развития и функционирования общественно-исторической действительности.

Однако для того чтобы обнаружить смысл, который вкладывали в свое философско-историческое мировоззрение Маркс и Энгельс, необходимо рассмотреть содержание и логику формирования другого общеизвестного положения материалистического понимания истории. Смысл истории, как его понимали Маркс и Энгельс, раскрывается в этом положении как конкретизация их представлений об отчуждении «человеческой сущности» в процессе исторического развития и о грядущем преодолении этого отчуждения, которым завершится «предыстория человеческого общества». Именно изображение конкретных форм, которые принимает отчужденная человеческая сущность в процессе общественно-исторического развития, и составляет центральную тему материалистического понимания истории, придавая ему характер целостного философско-исторического мировоззрения.

Исходной точкой для изображения Марксом и Энгельсом диалектики отчуждения человеческой сущности и его преодоления служит вопрос, который в очередной раз напоминает об активном, критически-практическом характере их мировоззрения. «Индивиды всегда исходили, всегда исходят из себя. Их отношения представляют собой отношения действительного процесса их жизни. Откуда берется, что их отношения приобретают самостоятельное, противостоящее им существование? Что силы их собственной жизни становятся силами, господствующими над ними?» [19. С. 76]. Ответ на этот вопрос дается ими с использованием уже знакомой схемы, в соответствии с которой все отношения между людьми сводятся к их «первооснове» – производственно-хозяйствен-

ным отношениям. Маркс и Энгельс говорят: «Если ответить одним словом: *разделение труда*, ступень которого зависит от развития производительной силы, достигнутого в данный момент» [19. С. 76]. Развивая эту мысль, они пишут: «Разделение труда дает нам сразу же первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, *существует разрыв между частным и общим интересом*, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, — *собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой*, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над ней» [19. С. 30–31].

Разрыв между частным и общим интересом является главным источником отчуждения от человека результатов его деятельности, его порабощения этими результатами, причем «это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля... является одним из главных моментов во всем предшествующем историческом развитии» [19. С. 31] — полагают основатели марксизма.

Показывая на конкретном историческом материале современного им общества этот универсальный процесс человеческого самоотчуждения, они утверждают: «*Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение*. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот, употребляя выражение Гегеля, есть в рамках отверженности *возмущение* против этой отверженности, возмущение, которое в этом классе необходимо вызывается *противоречием между его человеческой природой и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы*» [13. С. 39].

Поэтому, рассматривая общественно-исторический процесс в целом, Маркс и Энгельс высказывают свое знаменитое положение: «*История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов*» [22. С. 424], показывая тем самым, что по своему внутреннему содержанию вся предшествующая история была для них историей самоотчуждения человека [23. С. 68]. Эта саморазорванность человеческой природы, социальным проявлением которой служит классовая борьба, являющаяся, таким образом, подлинной субстанцией исторического развития, порождает иллюзорные формы общественного сознания, которые, следовательно, должны быть «уничтожены не духовной критикой..., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор» [19. С. 37] (т.е. «религия, философия и прочая теория»). А поскольку коренной причиной самоотчуждения человеческой сущности является разрыв между общим (т.е. собственно человеческим, отвечающим «родовой сущности человека») и частным (классовым) интересом, преодоление этого отчуждения будет

«возвращением человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому» [18. С. 588], которое, наконец, приведет человеческое «бытие» в соответствие с человеческой «сущностью» [19. С. 42]. Миссия этого освобождения человечества возлагается, как известно, Марксом и Энгельсом на пролетариат, целью революционной борьбы которого и будет коммунизм как «*подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека, подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом*» [18. С. 588].

Таким образом, с точки зрения основателей марксизма, история, будучи по своему внутреннему содержанию «порождением человека человеческим трудом», предстает как постепенный процесс саморазвертывания общественной сущности человека из возможности в действительность, приобретая на этой основе целостность, монистический и телеологический характер.

Итак, «материалистическое понимание истории» Маркса и Энгельса сформировалось как ответ, реакция на абстрактную, пассивно-созерцательную философию младогегельянцев и Л. Фейербаха. Целью Маркса и Энгельса была разработка философии реального гуманизма, реализующего свои задачи практически, в конкретной исторической действительности. Поэтому и сама эта историческая действительность рассматривалась в материалистическом понимании истории как результат конкретной, жизненно-практической деятельности человека. Маркс и Энгельс критиковали, таким образом, абстрактные, оторванные от реальной исторической жизни понятия «самосознания» Бр. Бауэра, «родовой сущности человека» Л. Фейербаха, противопоставляя этим абстрактным понятиям «действительных индивидов, их деятельность и материальные условия их жизни». Однако, определяя содержание и смысл исторического развития, материалистическое понимание истории на деле не могло покинуть общей для него с младогегельянами и Фейербахом философии отвлеченного гуманизма, полагая онтологической основой истории становление и саморазвитие «человеческой сущности», а ее целью и задачей — «присвоение человеческой сущности человеком и для человека». При этом, поскольку Маркс вслед за Фейербахом полагал, что «индивид есть общественное существо» и «*всякое проявление его жизни* — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — *является проявлением и утверждением общественной жизни*» [18. С. 590], «человеческая сущность» для него была не более чем «совокупностью всех общественных отношений». Поэтому марксизм как целостное философско-историческое мировоззрение оставался равнодушен к проблемам конкретной, живой человеческой личности, ставя на ее место абстрактных «человеческих индивидов», вступающих друг с другом в процессе своей практической деятельности «в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения» [21. С. 6]. Маркса «не беспокоит, — писал русский философ С.Н. Булгаков, — судьба индивидуальности, он весь поглощен тем, что яв-

ляется общим для всех индивидуальностей, следовательно, не-индивидуальным в них, и это неиндивидуальное, хотя и не-внеиндивидуальное, обобщает в отвлеченную формулу, сравнительно легко отбрасывая то, что остается в личности за вычетом этого неиндивидуального в ней или со спокойным сердцем приравнивая этот остаток нулю. В этом и состоит пресловутый «объективизм» в марксизме: личность погашается в социальные категории, подобно тому как личность солдата погашается полком и ротой, в которой он служит» [14. С. 246–247].

Конкретизация понятий «человеческая сущность», «самосознание» шла в марксизме не по пути рассмотрения человеческой личности как таковой – во всем богатстве ее духовного содержания и творческих возможностей, а по пути отождествления «человеческой сущности» с безликим и отвлеченным понятием «совокупности всех общественных отношений», общества как целого. Более того, так как «реальная, практическая, чувственная, конкретно-жизненная» и т.п. деятельности человека понимались Марксом и Энгельсом в конечном счете просто как производственно-хозяйственная деятельность, базисом всей общественной жизни были признаны ими социально-экономические отношения, а основным содержанием исторического развития – борьба общественных классов, выделяемых исходя из объективного положения людей в процессе общественного производства. Поэтому марксизм являлся одним из наиболее последовательных учений социального, а точнее – социально-экономического детерминизма, подводящего под этот социально-экономический детерминизм онтологическую основу – саморазвертывающуюся и саморазвивающуюся «человеческую природу», отражающуюся в различных формах экономической организации и классового деления общества. Целостное изображение истории человечества, которое давалось в марксизме на основе теории экономических общественных формаций, выделяемых на основе последовательной смены «способов производства», оказывалось, в связи с этим, возможным только как взгляд на историю «сверху», с точки зрения высшей, универсальной формации – формации коммунистической, т.е. полной реализации «родовой сущности человека», «человеческого общества» как «обобществившегося человечества» – цели и оправдания всего предшествующего исторического развития.

Итак, материалистическое понимание истории сформировалось прежде всего как целостное философско-историческое мировоззрение. Именно по этой причине его изложение носило, как правило, краткий, аксиоматический характер, умещающийся на одной странице такого не относящегося к научному историческому исследованию текста, как «Предисловие к критике политической экономии».

2. О ВЛИЯНИИ МАРКСИЗМА НА ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Значительность влияния марксизма на историческую науку и гуманитарное познание в целом объясняется в первую очередь тем, что материалистическое понимание истории, как было показано в первой части данной работы, сформировалось в качестве всеобъемлющего фило-

софско-исторического мировоззрения, философии истории, а не разносторонне теоретически и эмпирически обоснованной методологии исторической науки, «научной школы». Именно в качестве целостного философско-исторического учения марксизм смог открыть для исторической науки новые перспективы развития, расширив ее предмет и поставив перед ней новые задачи.

Однако проблема взаимодействия между марксизмом и исторической наукой усложняется тем, что, как уже говорилось ранее, и сами основатели марксизма, и подавляющее большинство представителей марксистской исторической науки (особенно советской), полагали свое целостное философско-историческое мировоззрение эмпирически доказанной научной концепцией, категорически отрицая его априорный, философский, метанаучный характер. Даже в том случае, когда в марксистской исторической науке поднимался вопрос о философских основаниях материалистического понимания истории, гуманистических взглядах «молодого Маркса» по поводу «человеческой сущности» и ее «отчуждения», как правило, констатировалось, что «не требуется особой проницательности, чтобы понять, что эти формулировки не выражали адекватным образом марксистский историзм, материалистическое понимание истории, которое в это время еще находилось в процессе становления» [23. С. 62].

Представители марксизма вслед за Марксом, Энгельсом и В.И. Лениным (который как раз посвятил часть своей работы «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов» ожесточенной полемике против точки зрения, согласно которой материалистическое понимание истории было прежде всего историко-философским учением, а не эмпирически обоснованной научной доктриной) [24. С. 115–183] всегда настаивали, что благодаря марксизму было открыто, что «*история человечества – объективный, естественно-исторический процесс*, единство и целостность которого обнаруживается путем открытия и изучения заключенных в нем объективных, независимых от сознания и воли людей законов и закономерностей – как «универсальных», так и конкретно-исторических, свойственных отдельным «общественно-экономическим формациям» [23. С. 71; 25. С. 22–24]. Идеал строгой объективности и научности был одним из наиболее устойчивых «архетипов» марксистского обществознания, которое, таким образом, будучи само отражением бессознательной философии истории, относилось с ярко выраженным неприятием к любой сознательной философии истории.

Как представляется, главной особенностью материалистического понимания истории было именно то, что оно совершенно искренно полагало, что априорные, философски-метанаучные постулаты, лежавшие в основе его теоретических построений, являлись в действительности лишь «методологическими принципами исторической науки», и именно эта особенность обусловила неоднозначный, противоречивый характер влияния марксизма на развитие исторической науки, а также основные черты самой марксистской исторической науки.

Вопрос о взаимодействии между марксизмом и исторической наукой становится еще более запутанным благодаря тому, что основателям марксизма удалось внести

свой вклад в историческую науку независимо от влияния, которое оказало на нее материалистическое понимание истории как целостное «научное мировоззрение», не сознающее своего философского характера. Маркс и Энгельс дали примеры таких социально-исторических исследований (речь о них пойдет ниже), объективные результаты которых необходимо признавать безотносительно к основным положениям их философско-исторической доктрины, а иногда и вопреки этим положениям.

Принимая во внимание эти соображения, обратимся к изучению влияния, которое оказало философское и научное творчество Маркса и Энгельса на историческую науку.

2.1. Объективное содержание научно-исследовательской практики марксистской исторической науки

Смешение в рамках материалистического понимания истории априорных философско-исторических положений с научными эмпирически обоснованными теоретико-методологическими принципами социально-исторического исследования породило представление о марксистском понимании истории как об «экономическом материализме». Этот термин возник еще при жизни Маркса и Энгельса и широко использовался для характеристики их историко-философского учения в российской исторической науке конца XIX – начала XX в. [26]. Соответствующая этому понятию интерпретация марксистской социально-исторической теории широко распространена и в современной отечественной теоретико-исторической мысли, критически относящейся к марксизму. Согласно этой традиции критического анализа марксистской исторической науки ее главным недостатком считается монистическое по своему характеру объяснение общественно-исторического развития, основанное на известном положении Маркса, генезис которого был рассмотрен выше, что изменение экономической структуры общества, обусловленное ростом «материальных производительных сил», является определяющим фактором исторического развития. Опираясь на довольно многочисленные высказывания Маркса и Энгельса о том, что экономическое развитие является главным источником развития общества, критически настроенные по отношению к марксизму ученые обвиняли материалистическое понимание истории в односторонности и экономическом редукционизме, всякий раз подчеркивая, что в действительности историческое развитие является многофакторным, плюралистическим по своим движущим силам [2. С. 48, 94, 96; 3. С. 48; 5. С. 18; 6. С. 55; 9. С. 61–63]. В свою очередь, сторонники марксистской исторической теории видели в этом положении материалистического понимания истории безусловное достоинство своей «научной методологии», поскольку оно, с их точки зрения, позволяло рассматривать общество как сложную саморазвивающуюся систему, имеющую единый источник движения, и давало, таким образом, возможность находить и исследовать объективные закономерности общественно-исторического развития [25. С. 102–105].

Между тем, как представляется, в пылу этой полемики часто оказывалось не замеченным одно обстоятельство, которое имеет решающее значение для оценки дей-

ствительного влияния этого положения материалистического понимания истории на историческую науку. Это обстоятельство заключается в том, что хотя Маркс и Энгельс утверждали, что исходя из развития производственных отношений между людьми можно объяснить общественно-историческое развитие в целом, такое *каузальное* сведение всех явлений общественной жизни к «экономическому базису» вопреки утверждениям самой марксистской исторической науки и многих ее критиков, отнюдь не являлось одной из ее основных задач. На деле, в конкретной научно-исследовательской практике, это положение материалистического понимания истории означало только то, что для историков-марксистов *сущностью* всего общественно-исторического развития, а следовательно, и основным предметом исследования были отношения людей в процессе «производства и воспроизводства действительной жизни», т.е. социально-экономические отношения. Соответственно все остальные общественно-исторические процессы рассматривались в марксистской исторической науке ровно настолько, насколько они имели отношение к социально-экономической сфере общественной жизни (обуславливались «в конечном счете» экономическим развитием или, в свою очередь, обуславливали его в качестве «обратных влияний»).

Для понимания такого характера научно-исследовательского интереса марксистской исторической науки необходимо вспомнить, что, как было показано выше, положение о первичности «экономического базиса» по отношению к «юридической, политической и идеологической надстройке» сформировалось в качестве априорного, метанаучного принципа материалистического понимания истории в контексте целостного философско-исторического мировоззрения Маркса и Энгельса. Действительный смысл этого положения состоял в том, что именно в производственных отношениях людей и соответствующем им классовом делении общества Маркс и Энгельс усматривали отражение онтологической основы истории – саморазвивающейся родовой сущности человека. Поэтому социально-экономические отношения и считались ими «первичными» по отношению к остальным сферам общественной жизни. Положение о «первичности» «экономического базиса» перед юридической, политической и идеологической надстройкой носило в рамках марксистского философско-исторического учения онтологический, «сущностный», а не механически-детерминистический характер, становясь для марксистской исторической науки априорной, наперед заданной исследовательской установкой, в соответствии с которой ее главным предметом изучения должны были быть отношения людей в процессе «производства и воспроизводства действительной жизни».

Однако поскольку материалистическое понимание истории, не признавая метанаучного, априорного характера своих «методологических принципов», полагало себя эмпирически и теоретически обоснованной методологией исторической науки, ученым-марксистам приходилось декларативно утверждать, что экономическое развитие является «определяющим фактором исторического движения» в качестве исходной основы причинной детерминации всех остальных общественных процессов. Это и порождало иллюзию, что марксистская историчес-

кая наука на самом деле «объясняет» историческое развитие человечества изменением производственных отношений людей, обусловленным ростом их производственных сил, которая, как мы видели, вызывала критическое отношение к этому мнимому «экономическому детерминизму». В ответ на эту критику марксистская историческая наука не пыталась действительно объяснить все общественно-исторические явления экономическим развитием, что, разумеется, было бы заведомо неосуществимым предприятием. Она просто в очередной раз настаивала на том, что ядро всей истории – это развитие отношений между людьми по поводу «производства действительной жизни», борьба классов, выделяемых на основе объективного положения людей в процессе общественного производства.

Таким образом, вкладом марксистской научной школы в развитие мировой исторической науки нельзя считать, как нередко полагают сторонники «многофакторного», «плюралистического» подхода к изучению истории, выявление и подробное исследование экономической стороны детерминации исторических процессов. В то же время, приведенные выше соображения отнюдь не позволяют заключить, что марксистская историческая наука являлась простой разновидностью «экономической истории», изучавшей экономическое развитие отдельно от других социально-исторических процессов. Настоящим предметом изучения в рамках материалистического понимания истории было не экономическое развитие как таковое, в общепринятом смысле этого термина, т.е. прогресс и совершенствование способов, форм и методов производства благ, удовлетворяющих человеческие потребности (так понимается этот термин в традиционной экономической теории), а общественные отношения людей в процессе «производства и воспроизводства действительной жизни».

Уже лучшие исторические работы основателей марксизма (главным образом К. Маркса) наглядно иллюстрируют, что реальная научно-исследовательская практика историков-марксистов по своему объективному смыслу не являлась ни исследованием экономической истории в привычном значении этого понятия, ни, тем более, изучением целостного общественно-исторического процесса с точки зрения его детерминации экономическим развитием. В действительности марксистская историческая наука изучала развитие общественных отношений людей в процессе «материального производства» в связи с целым рядом социальных, политических, культурных и других факторов, оказывавших влияние на ход этого развития, благодаря чему ее методологию изучения своего предмета можно квалифицировать, как бы удивительно это не звучало для критиков «монизма» материалистического понимания истории, как «многофакторную и плюралистическую».

Одним из наиболее выразительных примеров такого исследования служит двадцать четвертая глава первого тома «Капитала» К. Маркса «Так называемое первоначальное накопление». Предмет изучения этой главы – формирование производственных отношений, свойственных «капиталистическому способу производства», т.е. центральный, главный, с точки зрения материалистического понимания истории, процесс новой истории, опре-

деливший переход человеческого общества от «феодальной экономической общественной формации» к «формации буржуазной» [27. С. 726]. Начиная рассматривать ход этого процесса, Маркс прежде всего жестко критикует «односторонне экономическое» понимание его движущих сил, представленное в традиционной политической экономии, согласно которому «первоначальное накопление капитала» сводилось к экономической дифференциации непосредственных производителей [27. С. 725–726]. В противоположность такой упрощенной трактовке причин, сформировавших экономическую структуру буржуазного общества, Маркс настаивает на том, что социально-экономические отношения, ставшие основой капиталистического способа производства, явились результатом сложного общественно-исторического процесса, включившего в себя самые разнообразные исторические обстоятельства, которые и привели к «отделению производителя от средств производства» в конкретно-исторических условиях Западной Европы [27. С. 725–726].

Как известно, в поле зрения Маркса попадает в первую очередь огораживание общинных земель в Англии, которое он связывает и с «внешнеэкономическими» (формирование высокого и устойчивого спроса на шерсть на континенте), и с религиозными (Реформация и конфискация земель католической церкви), и с социально-политическими (присвоение земель в частную собственность земельной аристократией после «Славной революции» и парламентские огораживания) факторами [27. С. 728–744]. Рассматривая формирование рынка дешевой рабочей силы для возникающей английской промышленности, он прежде всего останавливается на изучении юридических обстоятельств этого процесса: «кровавого законодательства против экспроприированных» и законов, определявших уровень заработной платы промышленных рабочих [27. С. 744–752]. Наконец, исследуя методы образования промышленного капитала, Маркс указывает на эксплуатацию колоний, работорговлю и систему государственного долга как на ведущие способы накопления огромных денежных богатств, которые в новых социальных условиях Западной Европы могли превратиться в капитал [27. С. 759–770].

Таким образом, двадцать четвертая глава «Капитала» К. Маркса – «хрестоматийный» пример конкретно-исторического исследования в рамках марксистской научной традиции – показывает, что реальная исследовательская практика марксистской исторической науки представляла собой изучение социально-экономической стороны исторического развития с учетом множества обстоятельств неэкономического характера, определявших это развитие.

2.2. Трансформация наследия «классического» марксизма в советском общественном сознании: причины и характер

Необходимо признать, что приведенные выше результаты анализа объективного содержания научно-исследовательской практики марксистской исторической науки очевидным образом противоречат общепринятым представлениям о задачах, предмете и методах изучения истории, которые считались присущими этой историографической

традиции как самими историками-марксистами, так и многими критиками марксизма, в том числе и в современной отечественной теоретико-исторической мысли.

Представители марксистской исторической науки отнюдь не считали свой предмет и задачи исследования столь узкими и ограниченными. Они полагали своей главной целью *всеобъемлющее* изображение истории человечества, думая, что оно возможно благодаря подлинной научной методологии исторического анализа, разработанной в рамках материалистического понимания истории. Для того чтобы разобраться, каковы были следствия такой самооценки марксистской исторической науки, рассмотрим некоторые особенности отечественной исторической науки советского периода, анализ которых представляется в первую очередь необходимым для определения целей, перспектив и задач развития современного российского гуманитарного познания. Сравнение этих особенностей советского обществознания с «аутентичными» взглядами основателя марксизма позволит в дальнейшем уточнить и дополнить приведенный выше анализ влияния марксизма на историческую науку.

Известно, что советская марксистская историческая наука полагала главным предметом своего изучения *закономерности общественно-исторического развития*, которые в сочетании со всеобщими «социологическими» законами «исторического материализма» должны были позволить представить единый и целостный по своему внутреннему содержанию всемирно-исторический процесс во всем многообразии его конкретно-исторических проявлений [25. С. 22–24]. Конечной целью исторического исследования в советской марксистской исторической науке считалось, таким образом, полное и развернутое изображение истории человечества как закономерного, объективного, естественно-исторического процесса на основе общей исторической теории материалистического понимания истории, созданной Марксом и Энгельсом. Но поскольку марксистская историческая наука, как не раз говорилось ранее, не сознавала того, что главные положения материалистического понимания истории носили априорный, метанаучный характер, ее исследовательская установка на разработку целостной концепции исторического развития человеческого общества приводила к превратному изображению исторической действительности.

Так, задача изучения закономерностей общественно-исторического развития, справедливо считающаяся одной из основных целей социальных наук, не может, разумеется, ставиться в упрек советской марксистской исторической науке. Однако особенностью подхода к этой задаче в советской теоретико-исторической мысли было то, что, несмотря на отдельные исключения [28. С. 4–5], она полагала, что общественно-исторические закономерности, которые должны были служить главным предметом изучения историка, являются всего лишь отражением всеобщих «социологических законов» «исторического материализма» в конкретной социальной жизни. Например, один из выдающихся представителей отечественной методологии истории М.А. Барг в своей книге «Категории и методы исторической науки» писал: «Само многообразие собственно исторических закономерностей есть результат “преломления” одних и тех же социо-

логических законов сквозь различные сочетания исторических особенностей» [25. С. 186]. Разворачивая свое действие во времени, эти социологические законы «исторического материализма», с точки зрения советской исторической науки, воплощаются в универсальном процессе всемирно-исторического развития, а потому для нее «всемирно-историческое – понятие исходное, без которого нельзя сколько-нибудь осмысленно и шаг ступить в хаотическом нагромождении локальных историй... Более того, только в соотношении с этим понятием наполняется содержанием и категория “локально-исторический” – иначе как бы оно вообще возникло, что придавало бы ему познавательное значение, исторический смысл» [25. С. 36]. Итак, заключает М.А. Барг, «всемирно-исторический – понятие системное, выражение единства и целостности человеческой истории, реализующейся в универсальности пути *его (понятия!)* поступательного движения, *скрытой за внешним многообразием локально-исторического*» [25. С. 40].

Как известно, согласно «историческому материализму», в самой истории этот «теоретически искомый принцип всемирности» обнаруживается в «категории общественно-экономическая формация» [25. С. 35]. Поэтому для советского обществознания «общественно-экономические формации», под которыми оно понимало целостные общественные организмы, включающие в себя как экономический «базис», так и соответствующую ему политическую и идеологическую «надстройку» с жесткой корреляцией между ними, служили основным средством типологизации исторического материала. В соответствии с теоретическими представлениями, сформировавшимися в рамках традиции «исторического материализма», каждое из существовавших обществ развивалось, проходя несколько стадий, которые должны были соответствовать какому-либо из пяти прогрессивных общественно-экономических формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической). Если же данное общество оказывалось исторически пассивным, «застойным», считалось, что оно отражало какую-то одну из этих универсальных ступеней исторического развития. На основе этой формационной схемы общественного развития в советской исторической науке рассматривалась не только история западно-европейских стран, но и история стран Востока а также России. Таким образом, в отечественной исторической мысли предполагалось выстроить целостную научную концепцию исторического развития человечества, выявляющую присущие ему законы и закономерности, опираясь на методологические принципы общей исторической теории «исторического материализма». Однако эти положения методологии советской марксистской исторической науки находились в резком противоречии со взглядами самого основателя марксизма на принципы типологизации и периодизации истории человеческого общества и характер закономерностей, действующих в общественно-историческом развитии.

Так как главным предметом научно-исследовательского интереса К. Маркса было развитие общественных отношений людей в процессе «производства и воспроизводства действительной жизни», последовательные этапы в развитии человеческого общества он выделял на

основе социально-экономического критерия, называя их экономическими общественными формациями (oekonomische Gesellschaftsformation), – именно в такой формулировке этот термин всегда встречается у Маркса [10. С. 155]. Необходимо также заметить, что действительным основанием для выделения экономических общественных формаций был у Маркса характер «производственных отношений», а не «способ производства» в строгом смысле этого слова (как «единство производительных сил и производственных отношений») и, тем более, не особенности целостной социальной структуры как совокупности «экономического базиса» и «политической, юридической и идеологической надстройки», что имело место в советской исторической науке, рассматривавшей вместо «экономических общественных формаций» Маркса «общественно-экономические формации» (этот термин был использован В.И. Лениным в его книге «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов» [24. С. 120]).

Кроме того, как покажет анализ работ Маркса, «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства» рассматривались им как прогрессивные эпохи в развитии человечества как целого. Смена этих способов производства, на основе которых, с точки зрения марксистской исторической теории, происходило развитие человеческого общества, понималась Марксом как некая «историческая эстафета», аналогией которой часто находят в философско-историческом построении Гегеля.

Эта общеизвестная марксистская периодизация истории человечества была впервые представлена Марксом в «Предисловии к критике политической экономии», изданном в 1859 г. Но подобно другим изложенным здесь положениям материалистического понимания истории она не была сколько-нибудь подробно разъяснена им в этом произведении. На помощь вновь приходит не изданная при жизни Маркса рукопись «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (она относится к 1858 г., когда он завершал работу над выпуском «К критике политической экономии»), которая и дает ключ к пониманию смысла и содержания его знаменитой фразы: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [21. С. 7]. Анализируя эту работу Маркса, можно получить довольно отчетливое представление о том, как он на самом деле понимал движущие силы исторического развития человечества, а также что служило для него действительным критерием при выделении больших этапов в этом развитии.

Рукопись Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» посвящена изучению форм собственности (иными словами, по определению Маркса, «юридических выражений производственных отношений» [21. С. 7]), в рамках которых происходит производство в докапиталистических экономических общественных формациях, а также анализу основных моментов разложения этих форм при переходе к капиталистическому способу производства. Сам термин «экономическая общественная формация» в работе не встречается, однако сопоставление этого произведения со словами,

сказанными в «Предисловии к критике политической экономии», позволяет заключить, что в рукописи Маркса фактически раскрывается экономическая структура каждой из упомянутых в нем экономических общественных формаций.

Выделяя азиатскую, античную и германскую (или, что то же самое, средневековую, феодальную [29. С. 470]) формы собственности как последовательные этапы развития производственных отношений в докапиталистическую эпоху, Маркс находит, что их основополагающей отличительной чертой является то, что в них «Собственность означает... не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием*, – отношение к ним как к *природным предпосылкам* его самого, образующим, так сказать, лишь его удлинненное тело. У человека, собственно говоря, нет отношения к своим условиям производства, а дело обстоит так, что он сам существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно – в этих природных неорганических условиях своего существования» [29. С. 480].

С точки зрения Маркса, формы этих природных условий производства тоже являются двоякими: с одной стороны, они предполагают «существование человека как члена какой-либо общины, следовательно, наличие этой общины», с другой – «его отношение к земле, через посредство общины, как к *своей* земле» [29. С. 481]. Поэтому, заключает Маркс, для всех этих форм характерно, что «его (индивида) отношение к объективным условиям труда опосредствовано его существованием как члена общины; с другой же стороны, действительное существование общины определяется определенной формой его собственности на объективные условия труда» [29. С. 473–474].

Далее, описывая отличительные особенности каждой из трех докапиталистических форм производственных отношений, Маркс указывает: «Выступает ли эта опосредствованная принадлежность к общине собственность как *общая собственность*, при которой отдельное лицо является только владельцем, и частной собственности вовсе не существует (азиатская форма. – Ю.Т.); или же она выступает в двоякой форме – как государственная собственность и наряду с ней частная собственность, но так, что последняя обусловлена первой, в силу чего только гражданин государства является и должен быть частным собственником, между тем как его собственность как гражданина государства имеет в то же время особое существование (античная форма); или же, наконец, эта общинная собственность выступает только как дополнение к индивидуальной собственности, тогда как последняя фигурирует как ее базис, а община сама по себе вообще не существует вне *собрания* членов общины и вне их соединения для общих целей (германская форма), – эти различные формы отношения членов общины или племени к земле племени ...зависят частью от природных задатков племени, частью же от тех экономических условий, при которых племя уже действительно относится к земле как к *своей* собственности, т.е. при которых оно присваивает плоды земли трудом; последнее, в свою очередь само будет зависеть от кли-

мата, физического состава почвы, физически обусловленного способа ее эксплуатации, от отношения к враждебным или соседним племенам и от изменений, которые влекут за собой переселения, исторические события и т.д.» [29. С. 474].

Итак, Маркс рассматривает формы докапиталистических производственных отношений как индивидуальные социально-экономические образования, генезис каждой из которых определяется конкретно-историческими условиями, в которых оказываются естественно сложившиеся союзы людей. «Цель всех этих общин – сохранение, т.е. воспроизводство образующих общину индивидов как собственников, т.е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину». «Но, – продолжает Маркс, – это воспроизводство неизбежно является в одно и то же время и производством заново старой формы, и разрушением ее» [29. С. 483]. Каковы же с точки зрения Маркса механизмы разложения этих докапиталистических производственных отношений, движущие силы исторического развития?

Общепринятым в марксистской исторической науке ответом на этот вопрос, подкрепленным высказываниями Маркса в «Предисловии к критике политической экономии», является утверждение, что источником исторического развития служит «противоречие между производительными силами и производственными отношениями», заключающееся в том, что производительные силы «перерастают» производственные отношения, порождая тем самым необходимость привести последние в соответствие с первыми, что и происходит в результате «социальной революции» [21. С. 7]. Но анализ рассматриваемой рукописи Маркса показывает, что эта абстрактная схема исторического развития общества не была на деле реализована в его научно-исследовательской практике.

Действительно, Маркс указывает, что «все формы, ...при которых община предполагает субъектов в определенном объективном единстве с их условиями производства или при которых определенный способ существования субъектов предполагает саму общину в качестве условия производства, по необходимости соответствует только ограниченному и притом принципиально ограниченному развитию производительных сил» [29. С. 486]. Однако сразу же после этого он говорит: «Развитие производительных сил разлагает их, и само их разложение является развитием производительных сил людей» [29. С. 486]. Конкретизируя эти понятия – формы собственности, производительные силы, – Маркс пишет: «Первоначальное единство особой формы общины (племени) и с ней связанной собственности на природу, или отношение к объективным условиям производства как к бытию природы, как к опосредованному общиной объективному существованию отдельного человека, это единство, которое, с одной стороны, выступает как форма собственности, имеет свою живую действительность в самом определенном способе производства, способе, являющемся в такой же мере отношением индивидов друг к другу, в какой и их определенным действенным отношением к неорганической природе, их определенным способом труда... В качестве первой великой производи-

тельной силы выступает сама община; особого рода условия производства (например, скотоводство, земледелие) ведут к развитию особого способа производства и к развитию особых производительных сил, как субъективных, проявляющихся в виде свойств индивидов, так и объективных» [29. С. 484–485].

Показывая же решающий фактор разложения производственных отношений, Маркс касается таких форм социального угнетения, как рабство и крепостная зависимость, при которых «сам работник выступает как одно из природных условий производства, служащих некоторому третьему индивиду или общине» [29. С. 485]. И хотя «рабство и крепостная зависимость и т.д. всегда являются вторичными формами, никогда не первоначальными, несмотря на то, что они необходимый и последовательный результат собственности, основанный на общинном строе и на труде в условиях этого строя» [29. С. 485–486], именно они прежде всего, с точки зрения Маркса, «изменяют все его формы» [29. С. 482].

Таким образом, у Маркса «производительные силы» и «производственные отношения» непрерывно меняются местами, а главной причиной разложения форм собственности, покоящихся на общинном труде, он считает специфические по своему характеру производственные отношения угнетения, возникающие на основе этих форм. Поэтому представляется правомерным вывод, что в конкретной научно-исследовательской работе Маркс рассматривал развитие производственных отношений (форм собственности) как целостный социально-экономический процесс, выделение в котором таких понятий, как собственно производственные отношения и производительные силы, не имело фактически для него существенного значения. Категории «производительные силы» и «производственные отношения» приобретали смысл, лишь когда Маркс говорил о закономерностях развития человечества в целом, подчеркивая, что производительные силы и производственные отношения или, наоборот, производственные отношения и производительные силы должны соответствовать друг другу, поскольку мера могущества человека над силами природы определяет (и, в свою очередь, определяется) степень(ю) его владычества над его собственной, человеческой «природой» [29. С. 475–476]. Но в связи с этим мы вновь возвращаемся к вопросу о действительных основаниях марксистской периодизации всемирной истории.

Как следует из рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству», каждый из «способов производства», составлявших большие периоды в историческом развитии человечества, представлял из себя, по мнению Маркса, особую, конкретно-историческую форму экономической организации общества. Так, азиатский способ производства, свойственный странам Востока, наименее подверженный действию общественно-исторических механизмов, разлагавших другие формы производственных отношений, консервировал социально-экономические отношения в этих странах [29. С. 482], благодаря чему они оставались там неизменными «с самой отдаленной древности до первого десятилетия девятнадцатого века» [30. С. 133]. Античная форма собственности, классическим выражением развития которой была, с точки зрения Маркса, история римской

республики, погибла под воздействием рабовладельческих отношений [29. С. 475], передав «историческую эстафету» средневековой истории Западной Европы. Наконец, феодальный способ производства, возникший на основе германской формы собственности, уступил свое место буржуазной экономической общественной формации в результате конкретно-исторического «процесса отделения непосредственного производителя от средств производства» [29. С. 494–495], движущие силы которого Маркс подробно рассмотрел впоследствии в проанализированной нами ранее двадцать четвертой главе первого тома «Капитала».

Итак, предложенная Марксом всеобъемлющая периодизация истории человечества коренным образом отличалась по своему характеру от рассмотренных выше теоретических представлений советской марксистской исторической науки. В то время как советская историческая наука, полагая, что каждое человеческое общество должно проходить одни и те же ступени в своем развитии (так называемые «общественно-экономические формации»), считала, что она выделяет эти общественно-экономические формации, исходя из объективного научного факта закономерности и повторяемости «алгоритмов» общественно-исторического развития, настоящее основание марксистской периодизации всемирно-исторического развития не имело ничего общего с этим мнимым объективно-научным принципом типологизации исторического материала.

Формационно-стадиальная периодизация истории человечества К. Маркса была построена, как уже в общих чертах говорилось ранее, с помощью исключительно философского, метанаучного критерия, подобно тому как по необходимости строятся все философско-исторические «теории всемирной истории» — на основе отнесения к априорному идеалу, являющемуся полным выражением некоторой саморазвивающейся в историческом процессе «сущности». Ее смысл становится понятным, если вспомнить, что глубинной, онтологической основой выделения разных этапов в развитии производственных отношений было марксистское представление о «человеческой сущности», совершенном человеческом обществе как обобществившемся человечестве. Так, определяя принципиальную особенность докапиталистических форм производственных отношений, Маркс указывает, что «Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное*, объективное существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т.д. — в силу чего эта основа с самого начала имеет *ограниченный* характер... Здесь немислимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением (между индивидом и обществом)» [29. С. 485]. В связи с этим Маркс и устанавливает последовательность добуржуазных форм производственных отношений в соответствии со степенью выделенности индивида из общества, уровнем развития отношений частной собственности на средства производства.

Буржуазная эпоха, явившаяся, с точки зрения Маркса, отрицанием этого естественно сложившегося единства человека с природными предпосылками его производства, рассматривается поэтому им как «*крайняя форма отчуждения*, в которой, в рамках отношения между капиталом и наемным трудом, труд, производственная деятельность, выступает по отношению к своим собственным условиям и к своему собственному продукту» [29. С. 508]. Однако в то же время буржуазный способ производства «представляет собой необходимую промежуточную стадию и потому *an sich*, но только еще в превратной, поставленной на голову форме, уже содержит в себе разложение всех *ограниченных предпосылок производства* и даже больше того — создает и устанавливает безусловные предпосылки производства, а значит и всю полноту материальных условий для целостного, универсального развития производительных сил индивида» [29. С. 508]. Исходным пунктом этого развития будет новое присвоение общественным человеком на следующей ступени исторического прогресса условий своего производства, своей практической деятельности, благодаря чему «человеческая сущность» сможет наконец раскрыть весь свой бесконечный потенциал.

Таким образом, представляется доказанным, что «методологические основания» периодизации и типологизации исторического материала, принятые в советской марксистской исторической науке, а потому и полученные ею на этих основаниях научно-исследовательские результаты изучения общественного развития находились в прямом несоответствии с объективным содержанием взглядов на историю самого основателя марксизма.

Так, в частности, применение принципов формационно-стадиального подхода к изучению стран Востока, предполагавшее выделение в их истории этапов, аналогичных стадиям, которые проходили общества Западной Европы, очевидным образом противоречило взглядам Маркса по этому вопросу. Этим и объясняется, что всякий раз в условиях относительной либерализации политической и идеологической обстановки в советском обществе в нашей исторической науке разгорались ожесточенные споры по проблеме так называемого «азиатского способа производства» в странах Востока.

Не менее проблематичной, с точки зрения «классического марксизма», была реализация принципов такого формационно-стадиального подхода и к истории России. Знаменитая «скандальная» работа Маркса «Разоблачения дипломатической истории восемнадцатого века» [31], в которой наиболее подробно излагается его интерпретация русской истории, существенно отличавшаяся от «официальной» версии советской исторической науки, была опубликована только в конце 80-х гг. (Отметим, что Маркс полагал русское общество типологически намного более схожим с социальной структурой стран Востока, чем с западным обществом. Этому есть доказательства и в других его трудах, например, в набросках к ответу на письмо В. Засулич [32. С. 417].)

В современной отечественной исторической мысли, в том числе и среди тех, кто продолжает придерживаться марксистских взглядов на изучение исторического развития общества, признается этот факт несоответствия принципов советской исторической науки основным по-

ложениям классического марксизма [33. С. 27]. Однако, не будучи в состоянии обнаружить главную причину такой трансформации материалистического понимания истории К. Маркса в традицию «исторического материализма» советского обществознания, многие представители современной российской теоретико-методологической мысли не могут с достаточной полнотой и точностью определить все последствия влияния марксизма на нашу историческую науку.

Как правило, эта трансформация марксистского наследия в отечественной исторической науке, которая часто характеризуется как «вульгаризация» или «догматизация» марксизма, объясняется исключительно негативным влиянием социально-политической ситуации в советском обществе на историческое познание [6. С. 48]. Между тем, с моей точки зрения, она была обусловлена в первую очередь особенностями самого «классического марксизма», о которых говорилось ранее. Следует еще раз подчеркнуть, что *главным недостатком марксистской исторической науки*, который был присущ в равной степени и самим Марксу и Энгельсу, и громадному большинству их последователей, *было то, что она не признавала, что основные положения материалистического понимания истории носили априорный, философский, метанаучный характер, считая их своими «методологическими принципами»*. Именно поэтому марксизм, претендовавший, как всякое всеобъемлющее философско-историческое мировоззрение, на постижение исторического развития человечества в его единстве и целостности, выступая в то же время в несвойственной для такого мировоззрения роли «методологии исторического познания», очень часто превращал научно-исследовательскую практику своих последователей в механистически-догматическое применение одних и тех же априорных понятий и категорий к изучению исторической действительности.

Примером этого может служить подробно рассмотренный выше вопрос о категориях, использовавшихся для периодизации и типологизации исторического материала в классическом марксизме и советской исторической науке. Действительно, несмотря на существенное переосмысление термина «экономическая общественная формация» советским обществознанием, новое понятие «общественно-экономическая формация» сохранило, тем не менее, характер первоначальной категории. Вопреки утверждениям советской теоретико-методологической мысли о том, что общественно-экономические формации выделяются ею на основе объективного факта закономерности и повторяемости исторического развития разных народов, это понятие являлось на деле априорной философско-исторической конструкцией. Подобно «экономической общественной формации» К. Маркса оно имело своим действительным объективным основанием представление о потаенной сущности исторического движения как последовательной реализации единого саморазвивающегося принципа, тайна которого раскрывается на заключительном этапе человеческой истории в пределах последней, коммунистической формации.

Бессознательный «реализм» этой фундаментальной «универсалии» исторического материализма порою выступал явным образом, когда представители советской теоретико-методологической мысли указывали, что «об-

щественно-экономическая формация в действительности существует только в виде совокупности единичных обществ» [25. С. 35], аналогично тому, как они вместе с Фейербахом утверждали, что «*(общественная) сущность человека реализуется тем не менее через конкретных людей*» [34. С. 183]. А так как уже в классическом марксизме эта прежде всего философская по своему объективному значению категория рассматривалась просто как эмпирически обоснованное научное теоретико-методологическое понятие, появление общеизвестных представлений о единых алгоритмах развития человеческих обществ становилось неизбежным в науке, чьей главной исследовательской установкой был поиск и изучение универсальных законов и закономерностей общественного развития. Но, коль скоро объективным основанием целостного осмысления всемирной истории в марксизме была философская по своему характеру процедура выявления единого принципа исторического движения, который Маркс и Энгельс усматривали в саморазвивающемся в историческом процессе бесконечном потенциале «человеческой сущности», встает закономерный вопрос: насколько заявления марксистской теоретико-методологической мысли о том, что единство и целостность всемирно-исторического развития устанавливается в рамках марксистской исторической науки с помощью выявления в этом развитии объективных законов и закономерностей, соответствовали действительной научно-исследовательской практике историков-марксистов?

Разумеется, исследовательская установка на изучение законов и закономерностей исторического развития, находившаяся в числе главных теоретико-методологических принципов марксистской исторической науки, оказывала значительное влияние на конкретную научно-исследовательскую работу ее представителей. Благодаря этой установке историки-марксисты на самом деле получали плодотворные научно-исследовательские результаты. Но объективным содержанием этих результатов не было и не могло быть построение всеобъемлющей «объективно-научной» картины всемирной истории. В той мере, в какой марксистская историческая наука пыталась «сконструировать» всемирно-историческое развитие человечества, используя положения материалистического понимания истории К. Маркса, она не только существенно искажала саму историческую действительность, но и, как было показано ранее, вступала в противоречие с настоящим смыслом этих положений. Все, что удавалось выявить марксистской исторической науке с помощью ее исследовательской установки на изучение закономерностей исторического развития – это, действительно, «*конкретные, ограниченные определенными пространственно-временными рамками, закономерности общественного развития*» [35. С. 57], причем, необходимо добавить, закономерности, главным образом, социально-экономического характера. Примечательно, что фактически именно такую задачу изучения конкретно-исторических закономерностей социально-экономического развития ставил основатель марксизма в своем главном научно-исследовательском труде «Капитал. Критика политической экономии» [27. С. 10].

Таким образом, истинными основаниями, исходя из которых исследовательская практика представителей

марксистской научной школы приобретала единство и целостность, были вовсе не обнаруженные, как искренно полагала сама марксистская историческая наука, в рамках этой научной традиции «универсальные законы всемирно-исторического развития». Действительным фундаментом, на основании которого марксистская историческая наука смогла дать целостную интерпретацию истории, было установленное выше единство главного предмета ее изучения – общественных отношений людей в процессе «производства и воспроизводства действительной жизни», – которое сложилось благодаря применению априорных положений материалистического понимания истории К. Маркса в качестве «методологических принципов» исторического познания. Поэтому марксизм безжалостно ограничивал предметное поле исторической науки. Если, например, юридические или политические стороны общественной жизни еще рассматривались марксистской историографией в связи с социально-экономическим развитием, то культурная сфера исторической действительности почти полностью оказывалась за пределами предмета ее изучения. В действительности марксистская картина истории оказывалась односторонней и ограниченной, что составляло разительный контраст ее претензии на всеобъемлющее описание всемирно-исторического процесса.

Итак, материалистическое понимание истории нельзя считать «общей исторической теорией», с помощью которой историческая наука могла изучать историческое развитие человечества во всей его полноте и многообразии. Постольку поскольку марксизм рассматривал историю человеческого общества как единый и поступательный процесс, его исторические построения носили философский, метанаучный характер. Поскольку же принципы материалистического понимания истории находили свое применение в конкретной научно-исследовательской практике историков-марксистов, многокрасочная и многообразная историческая действительность рассматривалась под односторонним углом зрения так, что из всего разнообразия исторических явлений выделялись и изучались лишь социально-экономические отношения людей. И несмотря на то что они исследовались в связи с различными обстоятельствами (политическими, юридическими, идеологическими, культурными, религиозными и другими), оказывавшими влияние на ход социально-экономического развития, марксистская историческая наука не могла оправдать своих притязаний на целостное изображение истории общественного человека.

3. МЕСТО НАСЛЕДИЯ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РАМКАХ ПЕРСПЕКТИВ ОБНОВЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Наследие теоретико-исторических представлений, сформированных традицией марксистского обществознания, продолжает (зачастую в скрытой, «превращенной» форме) оказывать существенное влияние на современное российское гуманитарное познание, перед которым стоит задача разработки нового методологического ин-

струментария исторической науки. Поэтому одной из основных проблем отечественной исторической мысли является определение настоящего места наследия марксистской исторической науки в рамках перспектив обновления методологии исторического познания.

Как говорилось в начале работы, многие представители нашей исторической науки, образующие влиятельное направление в отечественной теоретико-методологической мысли, считают, что решение этой проблемы заключается в том, чтобы включить теоретико-методологическое наследие марксистской исторической науки в качестве интегральной части новой универсальной «общей исторической теории». При этом предполагается, что отправным пунктом создания такой теории должно быть обогащение традиционных для нашей исторической науки теоретико-исторических взглядов положением о принципиальной многофакторности исторического развития, благодаря чему историю, наконец, можно будет представить во всей полноте и многообразии ее проявлений [6. С. 56; 9. С. 65; 36. С. 25–29]. Полученная таким образом обновленная «целостная, всесторонняя и непротиворечивая система взглядов на фундаментальные свойства развития человеческой истории» [1. С. 3] явится, по их мнению, фундаментом нашей исторической науки, освободившейся от односторонностей марксистского понимания истории. Однако так как эти представители отечественной теоретико-исторической мысли неверно оценивают действительный характер влияния марксизма на историческое познание, они, как представляется, не могут адекватно определить настоящие предпосылки дальнейшего развития отечественной исторической науки.

Марксизм, как не раз говорилось ранее, позволял рассматривать всемирно-историческое развитие в целом только потому, что он в действительности являлся всеобъемлющим философско-историческим мировоззрением, философией истории, а не теоретически и эмпирически обоснованной методологией исторической науки. Единство истории для Маркса и Энгельса существовало благодаря тому, что они считали ядром исторического движения саморазвивающуюся «родовую сущность человека», которую они понимали как «совокупность всех общественных отношений», хотя последние в действительности сводились ими «в конечном счете» к «отношениям людей в процессе материального производства». Изучая же конкретный процесс этого поступательного саморазвития онтологической основы истории, они, в соответствии с методологическими принципами всякого конкретно-исторического познания, *исследовали все многочисленные и многообразные факторы, оказывавшие влияние на его ход.*

Современные сторонники многофакторного подхода к изучению истории, настаивая на том, что историческое развитие человечества является плюралистическим по своим движущим силам, высказывают тем самым в очередной раз лишь довольно очевидную мысль о том, что научное изучение предмета исторического познания требует подробного и разностороннего анализа, которая, как мы видели, не была «секретом» и для марксистской исторической науки. Но в то же время, главный вопрос, который заключается в определении самого предмета исторической науки, остается все еще открытым для со-

временной отечественной исторической науки. И именно в решении этого вопроса многие представители нашего исторического познания остаются очень консервативными, так как они продолжают оставаться в рамках марксистских философских представлений о сущности исторического развития.

Так, выясняя центральное содержание истории, они считают необходимым подчеркнуть, что в истории следует прежде всего видеть «становящегося и расширяющего свои возможности человека, творящего своей деятельностью эти (исторические. – Ю.Т.) формы. Человек здесь – не представитель какой-то отдельной, частной разновидности человеческих существ, которых можно наблюдать или изучать непосредственным образом, а носитель «рода», той незримой, но реально существующей общности всех людей, которая только и делает его субъектом истории» [37. С. 84].

Другой представитель отечественной теоретико-методологической мысли пишет: «Субстанция общественной жизни не существует изначально, как нечто преданное истории. Она создается, творится человеком, социальной общностью людей в ходе исторического процесса, и это созидание носит объективно-субъективный характер» [2. С. 71]. При этом он дает понять, что придерживается здесь философских взглядов Маркса, утверждая, что «введя понятие общественно-исторической практики, Маркс смог преодолеть сложившееся к своему времени прочное убеждение о неизменной природе человека. Развитие человека как предметно-действенного существа, согласно Марксу, есть сущность исторического процесса, самая глубокая его основа, субстанция истории» [2. С. 73]. Не удивительно, что и раскрывая конкретное содержание этой саморазвивающейся в историческом движении «природы человека» представители современного российского исторического познания вновь повторяют классические марксистско-фейербахианские определения: «личность социальна по своей сущности, но индивидуальна по способу существования, т.е. представляет собой единство сущности и существования, социального и индивидуального» [34. С. 183]. Поэтому рассматривая вопрос об отношениях между «личностью» и обществом, они находят необходимым сказать, что «ведущую роль в интерпретации этой взаимосвязи играет тезис о тождественности индивидуальной жизнедеятельности людей содержанию общественных отношений, которые и составляют сущность человека, его “социальное качество”, его общие характеристики» [34. С. 183]. Наконец, определяя место отдельного «индивида», они указывают: «Не являясь абстрактом, присущим отдельному индивиду, сущность человека реализуется тем не менее через конкретных людей» [34. С. 183]. Остается только добавить вместе с Фейербахом: «Каждый новый человек есть новый предикат, новый талант человечества» [15. С. 42].

Итак, главной общей особенностью анализируемого направления современной отечественной теоретико-методологической мысли является то, что оно продолжает считать единственным предметом истории изучение законов и закономерностей общественно-исторического развития, полагая, как и прежде, возможным построить таким образом всеобъемлющую научную концепцию все-

мирно-исторического развития *всего человечества*. В результате реальная система теоретико-методологических взглядов, которая предлагается в качестве замены марксистской методологии научного анализа в рамках этого направления развития российской теоретико-исторической мысли в действительности наследует все основные особенности материалистического понимания истории К. Маркса, освобожденного от крайностей его «догматизации» и «вульгаризации» традицией «исторического материализма» советского обществознания.

Между тем современное гуманитарное познание предлагает принципиально иной подход к пониманию целей, предмета и задач исторической науки. В то время как многие представители отечественной теоретико-исторической мысли продолжают отождествлять предмет исторического познания с исследованием проблем *социальной истории*, в современной гуманитарной науке формируется новая парадигма исторического познания, согласно которой центром истории должно быть изучение самого человека, человеческой личности во всех ее жизненных проявлениях – природных, социальных, культурных. Этот, действительно «антропоцентристский» подход к истории предполагает в качестве своего философского основания представление о несводимости «человеческой сущности» к «социальному бытию», «совокупности всех общественных отношений». Напротив, изучение истории общественного человека, социальной истории полагается лишь одной из составных частей комплексного процесса гуманитарного познания, ставящего своей главной целью установление конкретной, реальной, диалогической взаимосвязи с людьми прошлого [38. С. 191–192; 39. С. 31; 40. С. 110].

Именно благодаря тому, что в соответствии с этим пониманием исторической действительности и природы гуманитарного познания, человеческая личность как таковая, во всем неисчерпаемом богатстве своего многообразного исторического опыта и творческого потенциала, является одновременно и объектом исторического познания и его субъектом, познающим, историческая наука раскрывает перед собой новые перспективы развития, преодолевая односторонности прежних теоретико-исторических и философско-исторических концепций. В рамках этого подхода к изучению истории становится невозможным навязывание многокрасочной исторической действительности единого и всеобъемлющего смысла, так как смысл истории не может полагаться исключительно «объективным», отвлеченным, находящимся где-то вне человека, потому что «смысл истории» – это всегда человеческий смысл. И поскольку за людьми признается право исследовать прошлое, исходя из своих собственных «субъективных» ценностей, мировоззрения и веры, исторической науке приходится оставить за пределами своей компетенции построение универсальных «теорий исторического развития человечества», которые, некритически смешивая априорные, философские по своему характеру представления с элементами научной методологии, всякий раз приводят к одностороннему и ограниченному пониманию исторической действительности. Поэтому историческое познание, оказываясь на первый взгляд ограниченным, зависящим от априорных по отношению к нему убеждений и идеалов познающе-

го, в действительности перестает находиться под гнетом «всеобъемлющих» «общетеоретических концепций», подчиняющих под предлогом «объяснения истории в целом, при этом не только прошлого, но и ее перспектив» живую и всегда конкретную историческую действительность мертвым и абстрактным схемам.

Таким образом, делая предметом своего изучения реальное человеческое содержание истории и отказываясь искать единый ключ к пониманию человека, сторонники этого подхода к постижению истории считают главной задачей методологии исторического познания выработку конкретных приемов и способов, с помощью которых историк сможет проникнуть в многообразный человеческий опыт минувшего. Можно надеяться, что решение этой задачи станет возможным при условии синтеза в процессе научно-исследовательской работы ученых методологического инструментария различных дисциплин, направлений и школ гуманитарного познания.

Каково же место наследия марксистской исторической науки в рамках перспектив обновления методологического арсенала современной отечественной историографии? Как показал изложенный выше анализ марксизма, «материалистическое понимание истории» К. Маркса и Ф. Энгельса заложило основания для формирования научной школы, которая сделала главным предметом своего изучения «общественные отношения людей в процессе производства и воспроизводства действительной жизни». Однако значение марксистской историографии для исторической науки заключается не только в том, что она наиболее полно исследовала экономическую сторону общественной жизни. Необходимо признать что, считая социально-экономические отношения отражением саморазвития сокровенного ядра истории – «родовой сущности человека», марксизм действительно смог наполнить их реальным «человеческим содержанием». Как мы видели, марксистская историческая наука на самом деле понимала человека как «homo oeconomicus», но при этом

вовсе не в «грязно-торгашеском» смысле этого выражения, за что ее часто и несправедливо упрекали многочисленные критики. Исследуя социально-экономические отношения как результат исторической деятельности общественного человека, рассматривая их с точки зрения условий человеческого существования, марксизм, по выражению Н.А. Бердяева, поистине создавал «экзистенциальную политическую экономию» [41. С. 337]. Отсюда, в частности, «псевдонаучные» (с точки зрения классической экономической науки) теория трудовой стоимости, понимание стоимости, капитала, товара как общественных отношений людей, обнаружение тайны фетишизма этих экономических категорий. Все экономические отношения и категории рассматривались в марксизме как отражение конкретно-исторических взаимосвязей между людьми, их исторической деятельности и социальной борьбы. И поскольку в то же время развитие социально-экономических отношений людей изучалось историками-марксистами в связи с целым рядом социальных, юридических, политических и других факторов, определявших ход этого развития, марксистской исторической науке удалось продемонстрировать комплексный подход к изучению своего предмета, благодаря чему конкретно-исторические исследования, сделанные в традиции марксистской научной школы, сохраняют свое значение для исторического познания.

Итак, марксистская историческая наука сумела представить целостную концепцию истории человека как человека экономического, в его «социально-экономической ипостаси». Поэтому можно надеяться, что наследие марксистской научной школы найдет свое место среди многообразия методологических стратегий, которые, взаимно дополняя друг друга, позволят современной исторической науке с возможно максимальной полнотой реализовать свою исследовательскую установку на охват всех сфер исторической жизни человека в их комплексной и конкретной целостности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смоленский Н.И. Возможна ли общесторическая теория? // Новая и новейшая история. 1996. № 1.
2. Актуальные проблемы теории истории: материалы круглого стола (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. 1994. № 6.
3. Формации или цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10.
4. Кудрявцев В.Н. Об особенностях социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. 1995. № 3.
5. Ерасов Б.С. Теоретические аспекты цивилизационного подхода к третьему миру // Восток. 1991. № 4.
6. Формация или цивилизация? // Народы Азии и Африки. 1990. № 3.
7. Иванов Н.А. Восток: новые подходы к изучению истории // Восток. 1993. № 4.
8. Что осталось от марксизма или марксизм в 20 в.? // Восток. 1991. № 3.
9. Алаев Л.Б. Марксизм и проблемы обновления теории // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 4.
10. Багатурия Г.А. Первое великое открытие Маркса (формирование и развитие материалистического понимания истории) // Маркс-историк. М., 1968.
11. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.
12. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. Критика критической критики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
14. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.
15. Фейербах Л. Сущность христианства // Соч.: В 2 т. М., 1995. Т. 2.
16. Фейербах Л. О «Сущности христианства» в связи с «Единственным и его достоинством» // Соч.: В 2 т. М., 1995. Т. 2.
17. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
18. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988.
20. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М., 1993.
21. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
23. Ойзерман Т.Н. Размышления о реальном гуманизме, отчуждении, утопии и «позитивизме» // Вопросы философии. 1989. № 10.
24. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Соч. 4-е изд. Т. 1.
25. Барз М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

26. Кареев Н.И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб., 1896.
27. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
28. Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6.
29. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42, ч. 1.
30. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9.
31. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории восемнадцатого века // Вопросы истории. 1989. № 4.
32. Маркс К. наброски ответа на письмо В. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
33. Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: за и против // Восток. 1995. № 2.
34. Ким С.Г. Основные тенденции исторической антропологии в Германии 1960–80-х гг. // К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994.
35. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978.
36. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторического исследования: заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1.
37. Межуев В.М. Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. 1994. № 4.
38. Гурьева И.Ю. Герменевтическая традиция и историческая мысль Германии // К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994.
39. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3.
40. Бессмертный Ю.Л. Кризис «Анналов»? // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
41. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.

Статья представлена кафедрой древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 19 ноября 2003 г.